

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ АЛПАТОВ

доктор филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества филологического факультета Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
alpserg@gmail.com

«ГАЗЕТА ИЗ АДА» В КАРГОПОЛЬЕ: ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ЛОКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ*

«Газета из ада» – известный в ряде этноконфессиональных традиций Европы Нового времени тип памфлета, получивший распространение в России с конца XVIII века и регулярно фиксируемый в рукописной и устной форме в Белоруссии, Румынии, Прибалтике, Центральной России, Поволжье, на Русском Севере, Урале и Алтае. Решение проблемы хронологической стратификации списков и рукописных редакций, а также устных вариантов и версий популярного памфлета непосредственно зависит от последовательного описания эволюции исследуемой сатиры в рамках локальных рукописных и фольклорных традиций. Верхняя временная граница традиции каргопольских «адских газет» определяется фактом полевой фиксации в 1958 году экспедицией Московского университета устного варианта рассматриваемой сатиры. Нижняя граница локальной традиции маркируется бытованием в регионе в конце XVIII века рукописной сатиры «Письмо олонцакого бывшего с приписью подьячего Климана Нефедьева, писанное с того света к сыну ево Артаману», использующей общие с «Адской газетой» мотивы, образы и топосы и представляющей собой авантекст исследуемой традиции.

Ключевые слова: «Газета из ада», сатира, локальная традиция, временные слои

Для цитирования: Алпатов С. В. «Газета из ада» в Каргополье: проблема хронологической стратификации локальной традиции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 13–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.395

ВВЕДЕНИЕ

«Газета из ада» – популярный тип сатирического памфлета, бытовавший в ряде этноконфессиональных традиций Европы с XVI века, предположительно переведенный на русский язык в середине XVIII века и получивший распространение на территории Российской империи с конца столетия, фиксируемый в рукописной и устной форме в Белоруссии, Румынии, Прибалтике, Центральной России, Поволжье, на Русском Севере, Урале и Алтае вплоть до начала XXI века.

Памфлет принадлежит к новоевропейской традиции *вестей, писем, газет* с того света, опирающейся на средневековые и античные жанровые паттерны *видений, хождений по мукам* и *разговоров в царстве мертвых*. Английские, немецкие, французские и польские «газеты с того света» XVI–XIX веков представляют основные пороки человечества в виде репортажей о судебном разбирательстве, парламентском прении, театральном представлении или аудиенции в аду. Из всего корпуса просмотренных нами европейских «вестей с того света» типологически и хронологически ближе всего к отечественной «Газете из ада» оказывается французская стихотворная сатира «L'Enfer révolté, ou les Nouveaux appellants de l'autre monde, confondus par Lucifer» (1732).

Реконструируемая русская переработка второй половины XVIII века предполагаемых импортных образцов «ведомостей из ада» активно заимствует образы и мотивы из древнерусских фольклорных, литературных и живописных источников, описывающих загробные мытарства, тем самым переводя европейские формы изображения чистилища и ада на семиотический язык русской этноконфессиональной традиции. Возникшая в отечественной словесности переходного времени тенденция живописного и психологически детализированного изображения греха получает в эпоху Просвещения новый импульс в сатирах, баснях и эпиграммах на человеческие «страсти» и «злонравия», также послуживших генетическим фондом для сложения отечественных «адских газет» и одновременно перцептивным фоном для восприятия российской аудиторией модного образца европейского культурного импорта.

В русской словесности второй половины XVII–XVIII века бытовало значительное число переводных и оригинальных, авторских и анонимных сочинений, эксплуатировавших в серьезно-назидательном либо пародийном ключе жанровые модели «известий с того света», «разговоров в царстве мертвых» и «юмористических курантов». В обозначенном корпусе текстов особо выделяются эпиграмма «На смерть Откупщика» (1760)

и «Эпитафия Откупщику» (1760) А. П. Сумарокова, два издания журнала Ф. Эмина «Адская почта, или Переписка хромоногого беса с кривым» (1769) и «Курьер из ада с письмами» (1788), находящие прямые мотивные, образные и текстуальные параллели в списках и устных вариантах «Газеты из ада» XIX–XX веков.

Европейская жанровая форма «вестей из ада» тесно ассоциирована с традициями масленичной общинной критики и карнавальными образами «бала в аду». Среди отечественных аналогов европейских «масленичных» сатирических газет следует особо выделить «Ведомость о масленичном поведении» (1762), изображающую битву между Постом и Масленицей в формате «афиш» о сезонном визите Масленицы в российские пределы.

Помимо извещений о выходе свежих «адских ведомостей» преамбула «Газеты из ада» регулярно инкорпорирует сатирические фрагменты «Пышность нынешнего века» («Философская российская Афиняя», «Днесь исполняется пророческое проречение и философское разсуждение...» – первой половины XVIII века) и «Истинный образ нынешнего света», восходящий к французской сатире «L'état de la France» (1716) и распространявшийся в списках в Москве и Санкт-Петербурге не позднее 1806 года. Следует учесть, что участвовавшие в генезисе «адских газет» сатирические опусы (или расхожие «общие места» из них) имели как ортодоксальную, так и старообрядческую среду бытования и поликонфессиональные факторы эволюции¹ [2].

Реконструкция относительной хронологии процессов возникновения «православной» и «старообрядческой» редакций «Газеты из ада» [4], [8] остается актуальной исследовательской задачей. На данный момент можно предполагать первичность «православной» редакции, воспроизводящей индуктивную «кассианову» последовательность грешников в ядре сатиры (от опойцы, блудника и ростовщика к господам и монахам)², а также общие с европейскими образцами мотивы и формулы нарративной рамки: прибытие курьера со свежими адскими ведомостями, масленичный бал в аду; дробные подзаголовки частей сатиры, имитирующие листовые афиши либо газетные рубрики.

«Раскольничья» редакция «Газеты из ада», в свою очередь, реструктурирует аморфное тело первой редакции сатиры в согласии с дедуктивной логикой «григорианской» иерархии смертных грехов (от фундаментальной гордыни к ассоциированным тщеславию, сребролюбию, блуду и пьянству), снимает утратившее стилевую новизну структурное подражание газетным листам, освобождает сюжет от карнавальных коннотаций, взамен обрамляя его преамбула-

ми об исполнении эсхатологических пророчеств и воочию наступивших последних времен.

Существенно отметить, что «ортодоксальная» и «старообрядческая» версии сатиры не сменяют последовательно одна другую, а продолжают синхронное бытование, вступая в интертекстуальные взаимодействия, обусловленные не только письменным, но и устным характером бытования произведения в отечественной культуре XIX–XX веков.

На всем протяжении своей эволюции «Газета из ада» выступает феноменом с динамичной текстовой структурой и амбивалентной жанровой природой, функционируя не только как рукописная сатира, но и как духовный стих, свадебный приговор, интермедия фольклорного театра. Являясь прецедентным текстом русской литературной и фольклорной сатиры Нового времени, «Газета из ада» вместе с тем воспринимается переписчиками, чтецами и слушателями как идейно-художественное целое, уверенно опознаваемое и в амплифицированном рукописном своде, и во фрагментарной устной цитате.

Таким образом, будущее решение проблемы хронологической стратификации списков и рукописных редакций популярного памфлета, а также его устных вариантов и версий напрямую зависит от предварительного описания эволюции исследуемой сатиры в рамках отдельных локальных фольклорных и рукописных традиций.

Обращаясь непосредственно к материалу настоящей статьи, следует указать, что установление верхней границы бытования «Газеты из ада» в Каргополье обеспечивается аутентичной фиксацией экспедицией кафедры русского устного народного творчества МГУ имени М. В. Ломоносова 1958 года в деревне Чепец Каргопольского района Архангельской области устного варианта «адской газеты». Текст записан от Ефима Михайловича Ганчикова (1888 года рождения), впервые услышавшего «стих» во время военной службы в 1915 году «от солдат на дороге» и тогда же зафиксировавшего его по памяти в свою записную книжку. Вариант характеризуется типичными для фольклорных версий «Газеты из ада» деформациями исходной композиции рукописного памфлета, утратой слабоактуальных тем и персонажей и, наоборот, включением образов, мотивов и формул из синхронно бытовавших антиклерикальных и антибуржуазных сатир. В жанровом отношении текст анализируемого сатирического рашника принадлежит к широкому кругу севернорусских смеховых форм святочного ряжения, масленичного глума, свадебного застолья, бытового балагурства:

«Вот пришла газета с того света <...>

Пишут ужасы и страсти:

Какие нам за грехи напасти.

А вот мне вчерась листок попался,
 Я читал и удивлялся,
 Как живут в аде,
 В каком жару и смраде.
 А мы вот здесь, на вольном свете
 Ездим в телеге и карете,
 Гуляем, пьем, едим –
 Какой ответ дадим?
 Как мы на свете жили?
 Друг друга не любили,
 Нищим не подавали,
 А странников подальше посылали <...>
 Не любим мы Богу молиться,
 А любим почище нарядиться,
 Да на улице погулять,
 Да самих себя показать <...>
 Попы-шарлатаны
 Всё ходят по улице пьяны.
 Чем они ни берут –
 Всё скрягами живут:
 Яйцами, пирогами,
 Мукой и блинами.
 С мужика возьмут овса мерку,
 Да за свадебку рублечков десять –
 Почему попу не куралесить?
 А вот на тот свет попадут,
 Там в суд другой попадут:
 Сидит Сатана на престоле и кричит:
 – Тащите грешников в море!...» [1: 140].

Если верхняя граница локальной традиции «адских газет» определяется фактом полевой фиксации устного варианта рассматриваемой сатиры, то вопрос о времени появления исследуемого феномена в рукописной, а затем и фольклорной традиции Каргополья остается открытым. Прежде всего, мы не имеем прямых свидетельств о времени возникновения отечественных «адских газет». Опираясь на отдельные датированные факты, а также понимание общей логики процессов перевода и адаптации иностранных сатирических памфлетов в России второй половины XVIII века, следует полагать, что в период 1750–1780-х годов были осуществлены переложения на русский язык не одного, но целого ряда источников, эксплуатировавших модель известий о посмертной участи выдающихся грешников, будь то условные типажи «откупщика», «судейского», «щеголя», «клерикала» или сатирические портреты «медийных» европейских персон той эпохи. Период 1790–1810-х годов, в свою очередь, ознаменован возникновением оригинальных отечественных сатир на лица и социальные типы, использующих заимствованную жанровую модель «адских ведомостей». Наконец, прямо и косвенно датированные списки «Газеты из ада» 1820–1830-х годов фиксируют массовое распространение обеих редакций сатиры от Белоруссии, Смоленска, Вышнего Волочка, Обонежья до Поволжья и Верхотамья [3: 19–23]. Тем самым документирован-

ной истории распространения списков обеих («православной» и «раскольничьей») редакций «Газеты из ада» в Центральной России и Поволжье, на Русском Севере и Урале должен был предшествовать этап фольклоризации и локальной адаптации единичных литературных образцов, за которым уже следовала стадия массового копирования и устного цитирования сложившихся локальных версий «адских ведомостей» в разных социальных слоях и субкультурах конкретного региона. В этой связи необходимо обратить внимание на хорошо известный, но не получивший должной интерпретации текст сатирического «Писма олонцакого бывшего с приписью подьячего Клима Нефедьева, писанного с того света к сыну ево Артамону», извлеченного издателем из сборника № 55 рукописного собрания Государственного литературного музея в Москве (л. 47 об.–48) и датированного эпохой 1790 годов³ [7].

Интересующее нас «Писмо олонцакого подьячего» написано одним почерком с «Эпиграммой» (л. 48 об.), направленной против неких известных сатирику и его локальной аудитории братьев Гришки и Флоришки, вернувшихся из дальних странствий, но так и не набравшихся (подобно непутевым Фоме и Ереме) разума:

«Степноромановския поросята,
 разные два брата.
 Первому имя Гришка,
 а второму безпутной Флоришка, –
 в чужия поля забрались,
 а науки никакой не набрались.
 Гришка выучился мотать,
 а Флоришка не положи своих денег
 чужих искать» [7: 510].

С другой стороны, «Писму олонцакого подьячего» предшествует раешник «О трех сватах» (л. 45–47), представляющий собой диалог тверитянина, белозерца и каргопольца с характерными мотивами рассуждений на тему «кому на Руси жить хорошо» и поиска страны «роскошного житья и веселия»:

«Был я в Москве, на Красной площади, случилось нас три свата. Сват свата спросит: Ты, сват, откуда? Я, сват, с Тверска. А ты, сват, откуда? Я из Белозерска. А ты, сват, откуда? Я из Коргополска.

Сват у свата спрашивает: Што сват, скажешь, чего мол спросиш, дал ли бог, уродил ли Христос хлебца-кормилца? Ой, сват! Дал бог, уродил Христос хлебца-кормилца, перогов, как врагов, сканцами хотя пол мости, а блинами хоть кровлю крой.

А ты, сват, што скажет, чево мол спросиш, дал ли бог, уродил ли Христос божьей травки, христова табачку? Ой сват! И з деньгами не наитить. Так ну, сват, табак-от розовьем, да и прокот розобьем.

А ты, сват, што скажет, чево мол спросиш, за кем жить лучше: иль за попами, иль за дьяками, иль за господами? Ой, сват! За попами жить худо, а за дьяками жить трудно, походя наежся, сидя выпися.

Ой, сват! А за господами жить и тово хуже, годы ты скудные, а оброки ты болшие: дай пять рублей денег и кринку масла, шапку яиц, полоть вечины, индейку богату, курочку хохлату, и уточку» [7: 508].

Публикаторами четырех сатир из сборника Государственного литературного музея № 55 уже была отмечена параллель между формулами приговора «О трех сватах» и второй части святочной интермедии начала XX века «Ездок и Коновал» из заонежской д. Падмозеро: «Пошел я к барину с оброком: взял я утку, взял я курку, кадушку масла, коробку яиц, охапку творогу...»⁴.

Вместе с тем без внимания остался тот факт, что первая часть интермедии построена по модели чтения административного документа (паспорта, указа) и прямо цитирует «адскую газету»:

«Коновал: “Если ты не покажешь мне **пашпорту** или **виду**,

я не буду поправлять твоей лошади”.

Ездок вынимает **бумагу** и отдает ее **Коновалу**.

Коновал нюхает “божью травку табачек” и начинает читать:

Выехал кульер из аду
 Вывез страшный газет:
 Все наши начальники ушли на тот свет.
 Явился старик седой,
 с долгой бородой.
 Сатана сдале увидал:
 – Ну што, старик с долгой бородой,
 Не являешься долго сюда?
 – Я ладил стольки денег накопить,
 Чтоб весь ваш ад с дьяволами откупить.
 – Есть про тебя местечко давно откуплено.
 Взять его пристану,
 Дать по толчку в спину...»⁵.

В центре пародийного «пашпорта» – известный еще со времен эпиграммы А. Сумарокова «На смерть откупщика» (1760) и «Адской почты» Ф. Эмина (1769) образ ростовщика, готового взять на откуп адские муки. Тот же ключевой мотив и образ получает самостоятельную разработку в анализируемой нами сатире 1790-х годов «Письмо олонецкаго бывшего с приписью подьячего Клима Нефедьева, писанного с того света к сыну ево Артамону»:

«По приходе моему суда,
 не мог я избыть без суда,
 у Иуды я много раз был,
 вместо кофии смолу отборную пил.
 По несчастию здесь моему,
 не застал я в жилище сатану;
 пред приходом моим в тартар пошел,
 и там многих тавлинцев⁶ нашел,
 обратно назад не бывал,
 тюрьмы делать им стал.
 А живу я во мздоимческом остроге,
 при болшой тартарской дороге,
 определен я пивоваром,

вечным адским смолваром.

И тут я копеичку принаживу,
 а своих денежек не проживу» [7: 509].

Таким образом, фиксация в севернорусской рукописной традиции рубежа XVIII–XIX веков оригинальной анонимной сатиры, использующей для целей адресной социальной критики общие с переводными и отечественными литературными текстами жанровые образцы, мотивы и топоры, знаменует собой стадию *авантекста* и нижнюю временную границу фольклорной традиции «адских газет» в Каргополье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя сказанное, еще раз выстроим типологию этапов генезиса и эволюции сатиры «Газеты из ада», нуждающуюся в верификации и вероятной корректировке на материале иных локальных рукописных и фольклорных традиций. Функционирование средневековой традиции поучений и повествований о посещении «того света» является стадией *претекста*, а массовое распространение сатирических «ведомостей из ада» в Европе конца XVI – начала XVIII века маркирует стадию *прототекста* в генезисе отечественных «адских газет». Этап *многократных переводов* на русский язык разноязычных образцов «вестей с того света», сосуществующих в общеевропейском сатирическом дискурсе Нового времени на правах «общих мест», охватывает период 1750–1780-х годов. Возникновение в период 1790-х – 1810-х годов оригинальных отечественных сатир, использующих заимствованные жанровые модели наряду с локальными реалиями для целей злободневной социальной критики, знаменует собой стадию *авантекста* собственно фольклорной традиции «адских газет» и совпадает с этапом *сложения «канонических»* (устойчивых в идейном, композиционном и формально-стилевом плане) *редакций* «Газеты из ада», ограничиваемым в свою очередь эпохой массового рукописного *копирования* и устного *варьирования* памфлета в разных социальных слоях и профессиональных субкультурах по всей России (1820–1840-е годы).

Функционирование рассматриваемых текстов в отечественной рукописной традиции 1850–1890-х годов, а также в устной коммуникации в формате *чтения вслух с листа*, *цитирования по памяти*, а также ситуативного *припоминания* прецедентных сатирических топосов совпадает по времени с этапом первых фиксаций «Газеты из ада» собирателями и публикации ее списков (устных вариантов) в периодической печати.

Стадия широкого *устного бытования* «адских газет» характеризуется процессами радикальной трансформации структуры текста, зафиксированными солдатскими, крестьянскими и старообрядческими рукописями⁷. Одновременно рассматриваемые сатирические тексты *преобразуются* в смежных жанровых регистрах – в приговоры-небылицы, интермедии народного театра, свадебные «указы», а также духовные стихи. Активное бытование устных вариантов и массовое распространение списков исследуемых сатир делает возможным их регулярную *фиксацию* собирателями, а также стимулирует обращение к ним писателей с целями *воспроизведения* этнографического колорита

либо *стилизации* прецедентной жанровой модели в рамках модернистской художественной конструкции⁸.

Последовательное описание форм и факторов эволюции «Газеты из ада» в отдельных локальных рукописных и фольклорных традициях не только обеспечит решение конкретных вопросов исторической текстологии популярной сатиры, но и позволит отчетливее понять этапы и механизмы культурных преобразований в глубинных социальных стратах российского общества Нового времени, связанных с конфликтом традиционного религиозно-мифопоэтического мировоззрения и новейших социально-политических и духовно-нравственных представлений о мире.

* Данная статья предлагает развернутое теоретическое обоснование положений доклада ««Адская газета» в Каргополье: хронологические рамки традиции», опубликованного в сборнике «Рябининские чтения – 2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера». Петрозаводск, 2019. С. 490–493.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ср. процессы генезиса и эволюции типологически сходных с «Адской газетой» отечественных сатир XVIII–XIX веков, в частности «Справедливая критика на табак» [5], [6].
- ² Композиция европейских «вестей из ада» строится на основе средневекового учения о «лестнице пороков», существующего в двух версиях: св. Кассиана и св. Григория. В «кассиановой» традиции градация пороков начинается снизу, с частных грехов – чревоугодия и пьянства, а венчается гордыней; «григорианская» традиция исчисления смертных грехов ставит во главу угла гордыню, которой подчинены остальные (производные от нее) пороки. См. подробнее [9].
- ³ Интервал задан писцовой пометой о копировании повести «О смерти Петра Великого» (л. 1–13) 3 октября 1791 года и временем выхода басни Н. Эмина «Сильная рука владыка» (л. 49–51) в сборнике «Правдолюбец» 1801 года.
- ⁴ Ончуков Н. Е. Северные сказки. Кн. 2. СПб., 1998. С. 148.
- ⁵ Там же. С. 147.
- ⁶ Тавлинцы – табачники, пьяницы, бродяги. См. Словарь русских народных говоров. СПб., 2010. Вып. 43. С. 209.
- ⁷ Деление касается именно жанровой природы рукописей (солдатская записная книжка, крестьянский дневник, старообрядческий стиховник), тогда как сами владельцы рукописей могли соединять в своем лице все три социальные ипостаси: быть, например, крестьянами-старообрядцами, призванными на военную службу и заводившими рукописные дневники-альбомы с интересующими нас текстами в период 1870-х – 1970-х годов.
- ⁸ Особо укажем в этой связи на факты типологического сходства либо прямой стилизации жанрового паттерна «адских газет» в «Газете из ада» Н. Клюева (1919), «Адской газете» Н. Кубланова (1922), а также «Мастере и Маргарите» М. Булгакова [3: 24–26].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов С. В. «Газета из ада»: фольклорные механизмы рукописной сатиры XVIII–XX вв. // Тверское поле – 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 138–141.
2. Алпатов С. В. «Ведомость из ада»: судьбы европейской сатиры в отечественных религиозных субкультурах XVIII–XX веков // Вестник церковной истории. 2014. № 1/2 (33/34). С. 149–175.
3. Алпатов С. В. «Газета из ада» – реплика европейской сатиры в русской литературной и фольклорной традиции // Память жанра как феномен единства и неразрывности литературного развития. М., 2018. С. 18–27.
4. Кузнецова Н. Ю. Старообрядческое сатирическое сочинение «Адская газета» в оценках А. Н. Афанасьева и А. С. Пругавина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 3 (140). С. 24–27.
5. Пигин А. В. Стихотворные сатиры второй половины XVIII в. из Заонежья // Русская литература. 2012. № 4. С. 112–123.
6. Пигин А. В., Бабалык М. Г. «Справедливая критика на табак» (XIX в.): вопросы генезиса, поэтики и истории текста // Текст и традиция. Альманах. Вып. 5. СПб., 2017. С. 7–19.
7. Смолицкий В. Г., Тургенева Т. А. Четыре произведения народной сатиры // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 500–511.
8. Храмова Н. Б. «Адская газета»: проблема выделения редакций // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2011. № 6. С. 725–729.
9. McKenna S. R. Drama and Invective: Traditions in Dunbar's "Fasternis Evin in Hell" // Studies in Scottish Literature. 1989. Vol. 24. P. 133–135.

Sergey V. Alpatov, Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

**NEWS FROM HELL IN THE KARGOPOL REGION:
PROBLEM OF CHRONOLOGICAL STRATIFICATION OF LOCAL TRADITION***

News from Hell is a type of pamphlet, well known in various ethno-confessional European traditions of the Modern History, widely spread in Russia since the late XVIII century, and regularly recorded in both handwritten and oral forms in Belarus, Romania, the Baltic states, Central Russia, and the Volga region, as well as in the Russian North, Ural and Altai. The solution to the problem of chronological stratification of the handwritten editions or copies and the oral versions of the popular pamphlet directly depends on a consistent description of the evolution of the studied satire within the framework of local oral and handwritten traditions. In 1958, an expedition of Lomonosov Moscow State University recorded an oral version of Kargopol *News from Hell*, which determines the upper time limit of the satire's life in the local tradition. The lower limit of the local tradition is marked by the handwritten satire of the late XVIII century *A Letter from a Former Olonets Clerk Klim Nefediev to His Son Artamon, Written from the Afterlife*, which used motifs, images and topoi corresponding with the *News from Hell* and represented the avant-text of the studied oral tradition.

Keywords: *News from Hell*, satire, local tradition, temporal strata

* This article offers a detailed theoretical substantiation for the report “*Infernal Newspaper* in Kargopol: chronological framework of tradition”, published in the collection of articles *Ryabinin Readings – 2019: Proceedings of the VIII Conference on the Study and Actualization of Traditional Culture of the Russian North*. Petrozavodsk, 2019. P. 490–493.

Cite this article as: Alpatov S. V. *News from Hell* in the Kargopol region: problem of chronological stratification of local tradition. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 13–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.395

REFERENCES

1. Alpatov S. V. *News from Hell: folklore mechanisms of handwritten satire between the XVIII and the XX centuries*. *Tver folklore field – 2010: Reports and publications*. Tver, 2011. P. 138–141. (In Russ.)
2. Alpatov S. V. *Bulletin from Hell: the evolution of European satire in Russian religious subcultures between the XVIII and the XX centuries*. *Bulletin of Church History*. 2014. No 1/2 (33/34). P. 149–175. (In Russ.)
3. Alpatov S. V. *News from Hell – a replica of European satire in the Russian literary and folklore tradition*. *Memory of the genre as a phenomenon of unity and continuity of literary development*. Moscow, 2018. P. 18–27. (In Russ.)
4. Kuznetsova N. Yu. Old Believers' satirical composition *Hellish Newspaper* in assessments given by A. N. Afanasyev and A. S. Prugavin. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2014. No 3 (140). P. 24–27. (In Russ.)
5. Pigin A. V. Satirical poetry of the second half of the XVIII century from Zaonezhye. *Russian Literature*. 2012. No 4. P. 112–123. (In Russ.)
6. Pigin A. V., Babalyk M. G. “Fair criticism of tobacco” (XIX century): questions of the genesis, poetics and history of the text. *Text and Tradition. Almanac*. Issue. 5. St. Petersburg, 2017. P. 7–19. (In Russ.)
7. Smolitsky V. G., Turgeneva T. A. Four examples of folk satire. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Vol. XVII. Moscow, Leningrad, 1961. P. 500–511. (In Russ.)
8. Khramova N. B. Versions of the *Adskaya Gaseta*. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philology*. 2011. No 6. P. 725–729. (In Russ.)
9. McKenna S. R. Drama and Invective: Traditions in Dunbar's “Fasternis Evin in Hell”. *Studies in Scottish Literature*. 1989. Vol. 24. P. 133–135.

Received: 6 August, 2019